

С.М.ПОЛОВИНКИН

СЕМЬЯ СВЯЩ. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

Сергей Николаевич Булгаков (16 (28). VI. 1871–13. VII. 1944) — философ и богослов, а также политэконом, общественный и церковный деятель — принадлежал к священническому роду, восходившему к эпохе Ивана Грозного. Отец Булгакова — ливенский протоиерей Николай Васильевич Булгаков (1841–21. IV. 1912). Мать — Александра Косминишна Булгакова (урожд. Азбукина; ? —16. IX. 1906). У Булгакова были братья Владимир († 1899) и Михаил († 1899). В утерянном письме о. Павел Флоренский предположил, что Булгаков является внучатым племянником святителя Феофана Затворника. В архиве Наталии Михайловны Нестеровой (вдовы Федора Сергеевича Булгакова — сына о. Сергия) сохранился листок, на котором Флоренским выписана генеалогия свт. Феофана по книге И.Н. Корсунского «Преосвященнейший епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский» (М., 1895). Здесь названы братья и сестры Георгия Васильевича Говорова (свт. Феофана). Рукой Булгакова вписано: «Мария Васильевна и К.С. Азбукин, мой дед». Сверху поставлен знак «?». По всей видимости, этот листок был вложен в утерянное письмо Флоренского. В письме от 20 декабря 1917 г. Булгаков отвечал: «Ваше предположение о том, что я прихожусь внучатым племянником еп. Феофану Затворнику, имеет за себя 1) хронологическое соответствие отчества моей бабки по матери — тоже Васильевны. Но, во-первых, она (Мария) по Корсунскому, вовсе отсутствует в составе семьи в качестве сестер Феофана, во-вторых, брат ее Иван Васильевич показан также неточно, в-третьих, наконец, я никогда не слыхал в семье о таком знаменитом родственнике, а в духовном быту родственные связи вообще на учете, — с епископом особенно. Доискаться до генеалогии Говоровых я пока не умею. Сведения об Иване Васильевиче Говорове, брате моей бабушки, в архиве Ливенского Духовного училища, где он вначале служил, отсутствуют, сказано только, что “из духовного звания”»^[1]. Хотя доводы Булгакова выглядят убедительными, вопрос об его родстве с свт. Феофаном требует дополнительного исследования.

Традиции рода подвигали Булгакова идти по стопам отца, и он поступил учиться сначала в ливенское духовное училище, а по окончании его — в орловскую духовную семинарию. Однако в 14-летнем возрасте его вера трансформируется в неверие, и он против воли родителей уходит из семинарии и поступает в елецкую гимназию. В 1890–1894 гг. он уже студент юридического факультета Московского университета, где специализируется в области политэкономии. Булгаков стал теоретиком «легального марксизма». На рубеже веков он постепенно отошел от марксизма и через идеализм (см. его книгу «От марксизма к идеализму» (1903)) вернулся в Церковь. С 1901 г. Булгаков жил в Киеве, где был избран ординарным профессором политической экономии Киевского политехнического института и приват-доцентом Киевского университета. В 1906 г. он переезжает в Москву и становится приват-доцентом Московского университета и профессором Московского коммерческого института.

Лето Булгаков проводил в Крыму в доме родителей своей жены. Булгаковский Крым начался в далекой Кяхте — торговой слободе (ныне город) Забайкальской области; рядом — граница с Монголией. Кяхта основана для торговли с Китаем, главным образом для торговли чаем. Здесь были православная церковь, реальная гимназия, женская прогимназия. В конце XIX в. она переживала упадок в связи с развитием морской торговли. Крупным чаеоторговцем в Кяхте был Иван Федорович Токмаков. Из-за склонности к туберкулезу врачи посоветовали ему переехать в Крым. Там в Олеше Токмаковы построили большой дом на сибирский манер. Осенью 1889 г. Иван Федорович Токмаков и Осип Яковлевич Молотков купили имение «Романово» (90 десятин) в Алуште за 234 000 рублей и основали винодельческое хозяйство и виноторговлю. Существовало представительство фирмы в Москве: Тверская, Леонтьевский пер. 26; представитель — В.Н. Петров^[2]. Возможно, Петров был мужем одной из дочерей И.Ф. Токмакова — Гали Ивановны. И.Ф. Токмаков был старостой церкви Св. Вознесения в Кореизе. Храм построен в начале XIX в. по проекту архитектора Карла Эшлимана. В конце XIX в. он перестроен при участии И.Ф. Токмакова (сведения о храме любезно предоставлены А.В. Ефимовым). В 1909 г. Иван Федорович умер и был похоронен близ храма Вознесения; могила сохранилась. Церковь была разрушена землетрясением, которое началось 11 сентября 1927 г. Токмаков построил также больницу в Кореизе. После его смерти распорядительницей дела стала вдова, Варвара Ивановна Токмакова (урожд. Теплова; ? — ок. 1935).

Кяхта была местом ссылки революционеров, семья Токмаковых общалась со ссыльными. По всей видимости, это повлияло на возникновение радикальных настроений у дочерей Токмаковых. Мария Ивановна Токмакова (1869–1954) в 1893 г. вступила в брак с Николаем Васильевичем Водовозовым (1870–1896) — экономистом, активистом студенческого движения, марксистом[3]. В 1895 г. Водовозовы основали «Издательство М.И. Водовозовой» (1895–1900), которое впервые в России начало выпускать книги легальных марксистов. В 1897 г. здесь была издана книга Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд». Здесь же в 1899 г. вышла книга В.И. Ленина «Развитие капитализма в России»[4]. Не близостью ли Булгакова семье издательницы объясняется положительный отзыв Ленина на его книгу? По всей видимости, знакомство Булгакова с Еленой Ивановной Токмаковой (26. II (11. III). 1868 — 14 (27). I. 1945) — сестрой М.И. Водовозовой — произошло именно во время издательских процессов. В семье Елену звали Неля. Позже Булгаков вспоминал: «Но то, о чем говорили мне в торжественном сиянии горы, снова скоро узнал я в робком и тихом девичьем взоре, у иных берегов, под иными горами. Тот же свет светился в доверчивых, испуганных и кротких, полудетских глазах, полных святыни страдания. Откровение любви говорило об ином мире, мною утраченном»[5]. 14 января 1898 г. состоялось венчание. Елена Ивановна от молодости сохранила народнические привычки: стыдилась жить в роскоши, модно одеваться, любила разводить огороды, была настроена весьма радикально.

Она много писала для детей и юношества. Когда Булгаков перешел от марксизма к идеализму, Е.И. не разделяла его политических и религиозно-философских взглядов, хотя, в целом, раздоров в семье не было (сведения о семье Булгаковых сообщены автору Н.М. Нестеровой). Лишь в годы революции и Гражданской войны Елена Ивановна «вошла в церковь»[6]. 17 (29) ноября 1898 г. у Булгаковых родилась дочь Мария, а 12 (25) марта 1902 г. — сын, которого назвали Федором в честь Федора Михайловича Достоевского. Мария (в семье ее звали Муна) унаследовала от Токмаковых периодические депрессии. Сыновья же, Федор и Сергей, имели характер ровный и жизнерадостный. По воспоминаниям Н.М. Нестеровой, Булгаков говорил, что Мария родилась, когда он был марксистом, потому у нее и дурной характер; Федор и Сергей родились, когда он стал идеалистом, потому и характер у них хороший.

Со времени женитьбы Булгаков проводил каникулярное время в доме Токмаковых в Крыму, заезжая и в родные Ливны. Сестры Токмаковы имели обширные знакомства среди революционеров, некоторые посещали их и в Крыму. Так, Л.Б. Красин жил у них в доме летом 1894 г., откуда и был выслан. Подозрение поначалу вызывал и сам Булгаков. За обитателями дома и его гостями было установлено полицейское наблюдение[7]. Летом в Крыму жили и гостили новые друзья Булгаковых по Кружку ищущих христианского просвещения и Религиозно-философскому обществу памяти Вл. Соловьева. Владимир Александрович Кожевников имел дачу в Исаре под Ялтой и жил там все лето. Сестры Аделаида и Евгения Казимировны Лубны-Герцык имели дом в Судаке. Посещал Булгакова в Крыму М.А. Волошин[8]. Бывали в Крыму в кругу общих друзей Н.А. Бердяев, В.И. Иванов, С.Н. Дурылин, В.А. Тернавцев и др.

Фамилия Булгаков имеет тюркское происхождение со значением «гордый», «важный», «вертлявый», «кокетливый», «бездельник», «непостоянный, ветреный человек» и под.[9] Булгаков ощущал свое родство с крымскими татарами и даже с греками: «Я теперь произвожу свою генеалогию от крымских, а не от волжских (булгар) татар (исторически это правдоподобнее, чем от волжских, да здесь и встречается у татар моя фамилия), а Крым, как Вы знаете, страна неограниченных этнографических возможностей, и этим путем гораздо легче вообразить себя греком (особенно глядя на их широкие затылки и головасть — <нрзб> — и сопоставляя с ними свою собственную), нежели иным путем» (Архив свящ. Павла Флоренского)[10].

В Крыму Булгаковы пережили смерть сына Ивана (25. XII. 1905 — 27. VII. 1909). 16 августа 1909 г. Булгаков писал своему другу П.А. Флоренскому из Кореиза: «Это лето было для нас исключительно тяжелым и оказалось в известном смысле роковым. Почти не переставая болели дети, главным же образом наш младший — Ивашек (3 л. 7 мес.), светоносный мальчик, носивший на себе печать чего-то неземного — и по дню рождения своего — Рождественскую ночь, — и по необыкновенной ласковости и ясности своей и раннему интеллектуальному развитию и одаренности (м. б., Вы и помните его). Он перенес целый ряд болезней и 27 июля умер от слабости сердца в дизентерии после продолжительных, ужасных, при воспоминании о которых сердце перевертывается, страданиях, которые я не могу иногда называть — без тени всякого кощунства — иначе как распятием. И они обострялись болезненным обострением его интеллекта и сознания, обоявшего на границе двух миров и говорившего об обоих. Эта смерть была пережита мною — и нами обоими — с исключительной религиозной остротой (о человеческих родительских чувствах нечего и говорить), да и до сих пор, конечно, не изжита и не будет изжита. На письме об этом не расскажешь, да и

вообще о самом главном не расскажешь, но живая связь — ведь своя плоть и кровь там — с Тем миром и его подлинность, а здешнего неподлинность, и вся переоценка ценностей, с этим связанные, временами с ослепительной ясностью входили в сознание»[11]. Как смерть Ивашека помогла Булгакову вернуться к вере своих отцов, он описал в своей книге «Свет Невечерний»[12].

11 (24) мая 1911 г. у Булгаковых родился сын Сергей. 13 мая Булгаков писал Флоренскому: «Дорогой о. Павел Александрович! 11-го мая, в день памяти свв. Кирилла и Мефодия, к вечеру, после долгих и трудных родов, появился у нас на свет мальчик, которого нарекли Сергеем. Ушедший от нас посылает себе заместителя на земле, и у меня связь с ушедшим, боль сердца и любовь к нему как-то неразрывно сливаются с родившейся новой любовью. Мыслью о Боге, который есть любовь и есть “Отец”: творение есть создание новой любви, возможности любить и быть любимым. Так творит Бог, Отец наш, и Свой образ запечатлел в отцовстве. Неля и ребенок находятся в лечебнице и пока благополучны. Испрашиваю Вашего иерейского благословения на обоих»[13].

15 (28) августа 1917 г. в день Успения Богородицы открылся Собор Православной Российской Церкви. Булгаков избран членом Собора от Таврической епархии, а на Соборе — членом Высшего Церковного Совета. По поручению Патриарха он пишет «Послание Святейшего Патриарха Тихона о вступлении на Патриарший Престол Православной Российской церкви», датированное 18 декабря 1917 г. В этот же день Булгаков в письме сообщает свящ. Павлу Флоренскому: «В окончательной стилистической редакции текста ценную помощь оказал мне Вяч. Ив<анов>, который как раз у меня случился в эту минуту»[14]. В это время начала гонений на Церковь у Булгакова созрело желание принять сан священника, и он обратился за благословением к Св. Патриарху Тихону. Патриарх сказал, смеясь: «Вы в сюртуке нам нужнее, чем в рясе!» Он имел желание сам рукоположить Булгакова, но, во избежание шума вокруг этого события, поручил это сделать еп. Феодору (Поздеевскому), который был тогда наместником Данилова монастыря[15]. Рукоположение во диакона состоялось в Троицын день (10 июня), а во священника — в Духов день (11 июня) 1918 г.

Зиму и лето 1918 г. семья Булгакова находилась в Крыму, где разгоралась Гражданская война. С 26 ноября по 13 декабря 1917 г. в Бахчисарае заседал Курултай, который образовал татарское национальное правительство — «директорию», лозунгом которой стал «Крым для крымцев». Большевики подготовили вооруженное восстание против «директории». В ночь с 8 на 9 января 1918 г. в Ялту прибыл из Севастополя миноносец «Гаджибей». Матросы высадили десант в 200 человек и совместно с местным отрядом Красной гвардии вступили в бой с татарскими «эскадронами». С 9 по 16 января продолжались бои в Ялте и ее окрестностях, поддержанные огнем с кораблей. 16 января в Ялте была установлена Советская власть. 28 января 1918 г. Булгаков писал Флоренскому: «Сначала получилось известие об ужасном разгроме Ялты и большевистском разбое в Крыму. Хотел было поехать сгоряча, но задержался, а за это время пришли уже и более успокоительные, впрочем, только по нынешнему времени, сведения, и я остался. Да и благо, п<отому> ч<то> сюда едет Федя»[16]. По всей видимости, отец и сын воссоединились. 21 февраля 1918 г. Булгаков писал Флоренскому: «Живу я под гнетом тревог за своих, которые вместе с другими жителями Крыма, подвергаются обработке рабоче-крестьянского правительства, и скорби о бывшей России (верно, все у нас теперь бывшее: бывший царь, бывшая армия, бывшая Россия). Впрочем, в окончательное разрушение России еще не верю, или, во всяком случае, допускаю, что этот номер эсхатолог<ического> репертуара м<ожет> б<ыть> еще отсрочен новым периодом “ветхозаветного” царства. Однако порою кажется и обратное»[17]. Наконец, около 25 июня 1918 г. Булгаков вместе с сыном Федором выехал в Крым, надеясь через месяц вернуться в Москву. Он позже вспоминал: «Однако надлежало мне в новом образе встретиться с семьей, о которой я тогда уже получил вести. Поэтому через две недели после рукоположения, с благословения Патриарха, я выехал в Крым для свидания с семьей на месячный срок, по истечении которого предполагал вернуться к месту своего прежнего, профессорского, и нового, иерейского, служения. Однако мне вовсе не суждено было вернуться в Москву. Мне пришлось первый раз переехать под Курском границу немецкой оккупации, без паспорта, но благополучно ее миновав. Встретил благополучно своих и пробыл законный месяц с ними. Затем я сделал попытку возвращаться в Москву через Киев. Но отсюда в течение целого месяца мне это не удалось: обстоятельства изменились. Так я и принужден был возвратиться в Крым...»[18]. В середине сентября 1918 г. Булгаков приезжает в Киев[19].

Зиму 1918/19 г. и лето 1919 г. Булгаков с семьей провел в Олеизе, пережив там даже «вторых большевиков»: конец апреля — конец июня 1919 г. Священник Кореизской церкви о. Василий перед приходом «вторых большевиков» уехал из Крыма, и Булгаков служил в церкви один: «С восторгом вспоминаю первый Вел<икий> Пост в священстве в Олеизе, когда я после отъезда о. Василия был при большевиках там один»[20]. С конца июня 1919 г. по ноябрь 1920 г. Крым находился под властью

генерала П.Н. Врангеля. Осенью 1919 г. Булгаков — участник Таврического епархиального собора в Симферополе под председательством архиеп. Симферопольского и Таврического Димитрия (Абашидзе). По вопросу миссионерской деятельности на съезде выступил Булгаков. «Не отрицая необходимости пропаганды и миссионерства, он доказывал, что лучший вид пропаганды не отрицательный, а положительный, и горячо призывал духовенство к самоуглублению и самоутверждению в вере, к поднятию внутренней глубины и внешнего благолепия богослужения в храме»[21]. Булгаков стал членом Синода[22]. По постановлению Синода на 12—14 сентября 1919 г. было назначено всеобщее покаяние в грехах. Это были так называемые «дни покаяния». Булгакову было поручено составить особое послание. Митр. Вениамин (Федченков) вспоминал: «Там среди разных наших грехов поминалось и об убийстве царской семьи с невинными детьми. Эти три дня в городе Севастополе дено и ночью (например, во Владимирском соборе на горе) шли богослужения и исповеди. А на праздник Воздвижения Креста Господня причащались. Настроение было молитвенно покаянным»[23].

30 августа 1918 г. вышло постановление Крымского краевого правительства об учреждении Таврического университета в Симферополе. 14 октября университет торжественно открылся. Он имел факультеты: историко-филологический, физико-математический, юридический, медицинский и аграрный. 16 октября 1919 г., при Врангеле, Булгаков был избран профессором Таврического университета в Симферополе при ректоре Р. Гельвиге. 9 декабря 1919 г. Г.В. Вернадский писал А.А. Корнилову: «Здесь теперь С.Н. Булгаков, избранный профессором нашего университета по кафедре политической экономии. Ты ведь знаешь, что Булгаков теперь священник. Он служит по воскресеньям и праздникам, очень хорошо говорит проповеди. Вообще замечательно много вносит он в симферопольскую жизнь, как светскую, так и церковную. Деятельное участие он принимает в здешнем религиозно-философском кружке»[24]. Ядро кружка составляли: Булгаков, Г.В. Вернадский, П.П. Кудрявцев, В.А. Тернавцев, И.П. Четвериков. Позже Г.В. Вернадский вспоминал о вдохновенных службах Булгакова в домовых церквях в усадьбе «важного сановника»[25]. Служит Булгаков и в «незабываемой Еленинской церкви»[26]. 28 сентября 1920 г. ректором университета был избран В.И. Вернадский. После занятия Крыма большевиками в ноябре 1920 г. Булгаков был изгнан из университета. Он писал: «Из числа же профессоров университета я был исключен за принятие священства дважды: из Московского — немедленно по рукоположении, из Симферопольского — по занятии его большевиками»[27].

В это время в еврейской среде прошел слух, что Булгаков приехал устроить еврейский погром. Этот слух был «подтвержден» большевистской печатью, которая писала, что Булгаков написал воззвание духовенства с призывом избивать евреев[28].

Булгакова не увлекло всеобщее бегство белых из Крыма: «Во время всеобщего бегства экспатриация была равна смерти»[29]. В начале ноября 1920 г. он вернулся в Олεις.

Старший сын Булгакова Федор Сергеевич Булгаков (12 (25). III.1902 — 1. IX. 1991) учился в 5-й московской гимназии, окончил ялтинскую гимназию. Он был мобилизован в Белую армию весной 1920 г. Архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) чтит прозорливую старицу О., вдову священника, которая занималась предсказаниями. Митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал, как она «двум молодым юношам, сыновьям князя Т. и С.Н.Б. предсказывала, что они даже увидят златоглавый Кремль. И они бесстрашно лезли на врагов. Но князь Т. был убит в первом же сражении за Перекоп. Искали мы среди трупов и сына С.Н.Б., но не нашли. Оказалось, что он был взят в плен...»[30] Федор оказался в Харькове, где долго и тяжело болел тифом. 26 ноября 1920 г., сразу после занятия Крыма большевиками, семья получила от Федора письмо: радости не было предела[31]. После госпиталя Федор попал в санаторий, а потом был отпущен домой на поправку (сведения сообщены автору Н.М. Нестеровой). 27 февраля 1921 г. Федор вернулся домой. Семья пережила холодную, голодную и темную зиму 1920/21 г. в Олειςе. Булгаков служил в Кореизском и Гасприйском храмах. Летом 1921 г. ему «зима представлялась темной и страшной дырой»[32]. Сгущалась атмосфера в Олειςе вокруг дома «бывших». Положение казалось безнадежным. 6 августа 1921 г. Булгаков записал в дневнике: «И вдруг — получил предложение занять место в Ялт<инском> соборе, чем сразу разрешаются многие трудности: я остаюсь здесь, вблизи своих, получаю храм, амвон и даже кафедру, известный заработок и даже известные возможности доставать книги. Вообще, туча разорвалась, и оттуда льются солнечные лучи благодати Божией. Господи, благослови меня и укрепи! Я верю, что Господь ведет меня, и Он укажет время, когда нужно вернуться в Москву, но пока время это верно еще не пришло! Становлюсь здесь под стяг св. Александра Невского»[33]. 6 сентября 1921 г. — начало священства в Ялте. 13 сентября запись: «Вот я и в Ялте, служу в Новом соборе, живу около храма, под звон, как благодатное дитя Божие»[34]. Строительство Ялтинского Нового Собора во имя св. благоверного кн. Александра

Невского было начато Александром III в память трагической кончины Александра II, он освящен в 1902 г. в присутствии Николая II. Соборным протоиереем во время служения в соборе Булгакова был о. Петр. Семья Булгаковых жила в это время доме близ храма: Дарсановская ул. 5.

В Крыму о. Сергей доработал написанную в 1917–1918 гг. книгу «Философия имени» (1920)[35] и написал «Трагедию философии» (1920–1921)[36]. Была и еще невозстановимая утрата: «Во время жительствова в Крыму под большевиками, в 1918–1919 гг. я написал толстую тетрадь с повестью о своей жизни, примерно в течение 30 лет. При моей высылке я ее оставил, казалось, в надежные руки, но во время очередной паники перед обыском тетрадь была зарыта в землю и — погибла»[37]. Позднее в письме к Н.А. Бердяеву от 25 января (7 февраля) 1923 г. Булгаков уточнял: «...все мои рукописи остались в России на руках у Феде, которого мы ждем с замирием сердца каждодневно, но который может и не приехать»[38].

1 ноября 1921 г. Булгаков отметил в дневнике, что получил из Киева назначение в Институт народного хозяйства[39]. Из Москвы пришли письма друзей — М.В. Нестерова, М.А. Новоселова, полные известий о друзьях и знакомых. Все это вселяло надежду, что переезд в Москву реален. Однако возникало и смущение. 24 апреля 1922 г. о. Сергей записал в дневнике: «Лично за себя страшусь и смущаюсь, ибо знаю, что иду не на радость, а на скорбь, на последние, быть может, испытания. Меня там ждут в качестве “столпа православия”, а этот столп уже подгнил: в глубине своего сознания я уже потерял себя и не знаю, кем мне считать себя: просто ли католиком, еще решившимся провозгласить свою новую веру, или же, напротив, новым, восточным католиком. Ясно для меня одно: в основном прав Рим и не прав восток, — и о папе, и о Св. Духе. <...> Но те сердечные раны, жертвы и разрывы, которые меня ждут, меня ужасают, те разочарования и слезы, которые я причиню любимым и дорогим, начиная с Патриарха и еп. Феодора, Мих<аила> Ал<ександровича> и др., меня угнетают. Я думаю о Москве как о какой-то глухой стене или Голгофе»[40]. Из Москвы шли недобрые вести: «Пишут мне, что туда ехать нельзя, — казни, гонения на патриарха и церковная смута под давлением советского синода»[41]. Но все же стремление в Москву было неодолимым. О возвращении Булгакова в Москву М.О. Гершензон осенью 1922 г. хлопотал у одного из «вождей» — Л.Б. Каменева — председателя Московского совета. М.О. Гершензон в письме к Льву Шестову от 13 января 1923 г. писал: «Так вот, прошлой осенью, когда приехала в Москву Маруся Булгакова, — решил я пойти к нему (Л.Б. Каменеву. — С.Л.) и начисто поговорить о возможности для С<ергея> Н<иколаевича> вернуться в Москву; это было еще до церковных дел, и у меня была надежда. Я знал из письма С.Н. и от Маруси, что он все время держался в стороне от политики; но К<аменев> не слушал моих уверений; в конце концов он заявил: разве вы не знаете, что Б. написал призыв к еврейским погромам, который был расклеен во всех городах Крыма? Я ответил, конечно, что это возмутительная ложь, что Б. на это не способен; а он мне: сам Родичев подтвердил этот факт в заграничной газете, и Б. ведь не опроверг»[42]. По всей видимости, Каменев знал о, пока подспудно, развертывавшемся деле о высылке виднейших деятелей науки и культуры из России. В число высылаемых бесспорно попадал и Булгаков.

Булгаков был «взят на учет» соответствующими органами еще в декабре 1921 г.[43] Его следственное дело начинается с «Учетной карточки», где причина взятия на учет обозначена так: «2-й священник собора, с<оциал>-р<еволюционер>»[44]. Здесь же даны его приметы: «среднего роста, темно-русская борода, густые волосы, размашистая походка»[45]. «Учетную карточку» дополняет «Выписка из сводки сек<ретного> осведомителя по духовенству», заверенная «п<омощником> уполномоченного по к<онтр>-р<еволюционным> и п<олитическим> п<реступлениям> Израйлевым» 18 мая 1922 г. Именно этот сексот пустил нужную следствию утку об эсерстве Булгакова. В характеристике, приложенной к «Учетной карточке», Израйлев прибавляет к эсерству Булгакова монархизм: «...б. член партии с<оциал>-р<еволюционеров>, но по убеждениям монархист. Свои политич<еские> взгляды тщательно скрывает»[46]. Откуда же о них узнали сексот и Израйлев? Возможно, что все эти документы были изготовлены уже после телеграммы из Москвы с целью показать, что органы всегда бдели.

17 августа 1922 г. из Москвы в Симферополь на имя начальника Крымского политического управления (КПУ) была отправлена телеграмма: «Произведите обыск арестуйте профессора тире лектора Булгакова повторяю Булгакова тчк По нашим сведениям данное время находится Ялте тчк Со всеми материалами Булгакова препроводите с<ледственный> о<тдел> ГПУ тчк Получение телеграфируйте тчк 17 августа 1922 года НР 25776/10142/Ш Зампред ГПУ Уншлихт Нач СО ГПУ Самсонов Расшифровала Мардер 22/VIII 22 года»[47]. Дата 17 августа может подтвердить предположение об осведомленности Л.Б. Каменева о готовящейся высылке Булгакова «осенью» 1922 г. 6 сентября 1922 г. КПУ шлет в Ялтинское погрансобротделение (ЯПО) распоряжение: «03890/с. Срочно, сов. секретно. В самом срочном порядке произведите обыск

профессора-лектора гр-на Булгакова, по полученным сведениям таковой в данное время находится в Ялте. Со всем материалом Булгакова препроводите в КПУ. Получение подтвердите. Пред. КПУ Ротенберг»[48]. 20 сентября 1922 г. в ялтинском доме Булгакова, по адресу Дарсановская ул., д. 5, был произведен обыск, который «существенных результатов не дал»: обнаружили 2300 рублей «керенками». Булгаков арестован не был, у него взяли лишь подписку о невыезде[49]. Позже Булгаков описал это событие: «В солнечный летний день явился ко мне часа в 3 еврей Израилев в сопровождении агента и предъявил ордер на обыск и арест. Обыск кончился ничем, арестован я не был, к общей радости, но это было только преддверием наступающих событий»[50]. Некоторое время чекисты разбирались, у того ли Булгакова они произвели обыск, ибо в документах не были указаны инициалы, а в Крыму около этого времени находился еще и В.Ф. Булгаков, в прошлом секретарь Л.Н. Толстого. Опустим перипетии «Дела Булгакова».

10 (23) ноября 1922 г. вышло постановление, окончательно решившее судьбу Булгакова: «Постановление. 1922 год, 23 ноября. Я, уполномоченный секретного отделения СОЧ КПУ Малли, рассмотрев настоящее дело за № 1147 по обвинению б. профессора Московского университета, ныне протоиерея Ялтинского Александро-Невского собора Булгакова Сергея Николаевича, 51 лет, в политической неблагонадежности, конкретно выражающейся в активной ученой работе против рабочего движения при б. Царском правительстве. По рассмотрении мною следственного материала нашел, что согласно телеграммы ГПУ № 25766/10142/Ш от 17/VIII с/г. гр. Булгаков подлежит препровождению в с<ледственный> о<тдел> ГПУ, согласно же телеграммы ГПУ № 26243/10703/Ш гр. Булгаков на основании ст. 57 Уголовного кодекса подлежит бессрочной высылке из территории РСФСР. В исполнение последней телеграммы постановил: гр. Булгакова Сергея Николаевича, 51 лет, выслать из пределов РСФСР без права возвращения, предоставив ему 2-недельный срок для ликвидации своих домашних дел. Уполномоченный Малли»[51]. 30 ноября (13 декабря) 1922 г. Булгаков дал ЯПО КПУ обязательство первым парохом покинуть Ялтинский округ с тем, чтобы из Севастополя последовать за границу. Здесь же он просил отпустить с ним жену Е.И. Булгакову, дочь М.С. Булгакову, сына С.С. Булгакова и родственницу Евфимию Васильевну Бордасову (55 лет)[52]. Бордасовой в выезде было отказано, была попытка не отпустить несовершеннолетнего сына Сергея.

И вот наступил день переезда из Ялты в Севастополь — 3 (16) декабря 1922 г.: «Как он томительно-рассеянно проходил в последних хлопотах с багажом, с реализациями наших <тряпок?>. И подкрался вечер. У нас сидели, кроме бабушки и Петр., М. Март., потом Ел. В., А. Григ. и др<угие>. Пошли на пароход... Но нет сил это вспоминать. Со мною шел Федичка, такой бодрый, молодой, энергичный. Федичка, увижу ли я тебя, обниму ли? Потом эта трагедия прощания с бабушкой, с мыслью, что навсегда, в последний раз, как на похоронах... И бесконечное стояние на молу и ее безумно-исступленный взгляд. Какая-то спасительная тупость и слепота, — душа не могла вместить того, что переживалось. Господи, смилуйся над нами, дай свидеться в этом мире, но Твоя воля да будет... Тронулись, каюта была переполнена. Сережу устроили на палубе. Неля самоотверженно держала его голову на коленях, сама мерзла и укачивалась. Я подумал про себя, что я неспособен к этой любви и самоотвержению для своего же сына. Ночь почти не спали, кое-как прикладывались, и под утро, под звон колоколов, пришли в Севас<тополь> и там высадились. Отправились к греч<ескому> архим<андриту>, о к<ото>ром нам написали греки, — <нрзб>. Сразу стало ясно, что я стал жертвой легковерия. Затем поиски квартиры, день на молу и к вечеру водворились»[53]. В Севастополе остановились по адресу: Гоголевская ул. 11, кв. 1 (во втором этаже). Семья оказалась расколотой: Булгаков с женой Еленой Ивановной и детьми Марией и Сергеем высланы, а сын Федор и теща Варвара Ивановна Токмакова остались в России.

Вечером 17 (30) декабря 1922 г. пароход «Жан» с семьей Булгакова вышел из Севастополя и взял курс на Константинополь. По данным КПУ, высылка состоялась 14 (27) декабря[54]. На следующий день уже на пароходе Булгаков записал в дневнике: «Конечно, знаю, что ждут всякие испытания, тоска по родине, разочарование, всему этому и надлежит быть, и положение наше без средств и неизвестность могло бы смущать в другое время, но сейчас во мне по-человечески одно чувство — радости освобождения и благоговейное чувство удивления и благодарности перед милостью Божией. Господи, благослови путь наш!»[55]

В завещании, датированном 1 января 1941 г., Булгаков писал: «У меня нет никакого пожелания относительно места погребения, после изгнания из родины, где я преждевременно избрал себе место около могилы сына на Кореизском кладбище. <...> Однако прошу положить мне в гроб горсть родной земли, зашитой в ладанку и взятой с могилы моего сына, соединив ее с горстью св. земли из Гефсимании...»[56]

Булгаков был реабилитирован Прокуратурой Автономной Республики Крым 22 февраля 1996 г. на основании 1-й статьи закона Украины от 17 апреля 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине»[57].

Варвара Ивановна Токмакова вскоре была арестована, после того, как ее выпустили, она уехала в Москву. Вернувшись, она организовала в доме пансион. Помимо постояльцев, дом был полон родственниками и друзьями. Было много молодежи, особенно летом. Бывал и Федор с компанией. В начале 1930-х гг. дом реквизируют. Варвара Ивановна уехала в Москву и поочередно жила у своих дочерей, Марии и Гали.

У Марии Ивановны было трое детей от первого брака, с Николаем Васильевичем Водовозовым (Елена, Владимир и Лидия) и трое детей от второго брака, с Василием Константиновичем Хорошко (1881–1949), который в 1930 г. был профессором и заведующим неврологической клиникой Государственного института физиатрии и ортопедии, специалистом по нервным и душевным болезням. Семья Хорошек была близка верхушке большевиков и имела возможность поддерживать Федора Булгакова. У Гали Ивановны Петровой было две дочери и три сына, двое из которых умерли от туберкулеза. Так что у Федора было много двоюродных братьев и сестер.

19 июня (2 июля) 1923 г. о. Сергей Булгаков записал в дневнике: «То, что Бог отъял Федю, принимаю как перст Божий, грозящий мне за измену православной церкви, миру незримую, но Богу ведомую»[58]. Федор фактически остался заложником у большевиков. Летом 1923 г. он переехал в Москву, где было много родственников. Живописи он учился ок. 1923–1925 гг. в студии Д.Н. Кардовского (Тверская, 20), а затем по совету М.В. Нестерова во ВХУТЕМАСе (ок. 1925–1926 гг.). Федор в 1920-е гг. переписывался с семьей, получал посылки. Он послал отцу фотографию своей дипломной работы, что-то вроде «Мартеновского цеха»; в ответ получил от отца письмо: вижу, что ты на месте в России, занят своим делом. Письма сначала присылали на его имя, потом — на имя бабушки, В.И. Токмаковой. По прочтении письма уничтожались. Отец и мать все надеялись на приезд сына в Париж. Елена Ивановна называла одну из комнат на Сергиевом подворье «Фединой комнатой». Федор в 1920-е гг. ходил в храм Николы в Плотниках на Арбате, где служил о. Владимир Воробьев. Дементий Алексеевич Шмаринов — соученик Федора по студии Кардовского — вспоминал его как богатырского сложения медлительного молчуна, ни к кому не проявлявшего товарищеских чувств. По всей видимости, столь настороженно он вел себя в мало знакомой для себя среде. Н.М. Нестерова вспоминает, что Федор был необыкновенно живым, общительным, «богемным» человеком — это в среде «своих». Переписка с Парижем прекратилась в 1930 г., когда Федор в 1930–1931 гг. проходил по «Делу политического и административного центров всесоюзной контрреволюционной организации “Истинно-православная церковь”», в который входили М.А. Новоселов, А.Ф. Лосев, В.М. Лосева-Соколова, Д.Ф. Егоров, Н.Н. Бухгольц и др. Среди «активистов» значились: священник В.Н. Воробьев, Ф.С. Булгаков, А.Б. Салтыков, В.Н. Щелкачев. 3 сентября 1931 г. были вынесены приговоры[59]. Федор получил 3 года высылки в Алма-Ату, где он пробыл полтора года. Здесь он снова попал в среду художников. Он был досрочно освобожден по ходатайству своей тети М.И. Хорошко. В 1938 г. Федор Сергеевич становится членом Союза художников СССР; он участник многих выставок. Его мобилизовали в конце 1941 г. или в начале 1942 г. Он окончил школу комсостава и был направлен в Гороховецкие лагеря обучать новобранцев; неоднократно просился на фронт, но не пустили. Дослужил до конца войны. Его хотели направить в Военную академию, но он с трудом отказался и демобилизовался. В 1945 г. Федор Сергеевич женился на Наталье Михайловне Нестеровой — дочери художника. Перед смертью Федор Сергеевич попросил принести портреты родителей и смотрел на них (записано со слов Н.М. Нестеровой и Д.А. Шмаринова).

Мария Сергеевна Булгакова в эмиграции была подругой М.И. Цветаевой, которая в 1922 г. посвятила ей стихотворение «Листья с дерева рушатся...». 13 июня 1926 г. на Сергиевском подворье состоялось венчание Муны с Константином Болеславовичем Родзевичем (1895–1988), героем поэм Цветаевой «Поэма горы» и «Поэма конца». 9 июня Цветаева писала А.В. Черновой: «Венчается целая поэма! (Пауза.) Целых две»[60]. 1 июля 1926 г. Цветаева писала тому же адресату: «Жалею М<арию> С<ергеевну>, потому что знаю, как женился! Последующие карты можно скрыть, она слишком дорожит им, чтобы домогаться правды, но текущей скуки, явного ремиза не скроешь. Он ее не любит. — “Ну, хоть тянетесь к ней?” — “Нет, отталкиваюсь”. Стереть платком причастие — жуткий жест. Она вышла за него почти против его воли (“Так торопит! Так торопит!”) — дай ей Бог ребенка, иначе крах»[61]. После женитьбы Родзевичи поселились под Парижем. Какое-то время они были соседями Цветаевой и поддерживали с ней отношения. 3 января 1928 г. Цветаева писала А.А. Тесковой о праздновании Нового года: «Будет, кстати, герой моей Поэмы Конца — с женой, наши близкие соседи, постоянно видимся, дружественное благодушие и равнодушие, вместе ходим в кинематограф, вместе покупаем подарки: я — своим, она — ему»[62].

В 1932 г. у Родзевичей родилась дочь Наталия Константиновна. Брак действительно оказался неудачным. О дочери Наталии Родзевич говорил: «Я не уверен, что это моя дочь». Наталия стала художницей и искусствоведом. Муна обожала Родзевича, и когда ей говорили, что он советский шпион, она отвечала: «Он же такой культурный человек». Родзевичи жили на средства о. Сергия Булгакова. В конце концов брак распался. Вторым мужем Муны стал шофер такси Владимир Александрович Степуржинский (1895–1977). Муна интересовалась литературой, музыкой, театром, много знала, любила играть в бридж. Она сохранила советское гражданство (записано со слов Н.М. Нестеровой).

Сергей Сергеевич Булгаков стал гражданином Франции, окончил агрономическую школу в Париже и работал экспертом по продуктам питания. После ухода на пенсию живет на юге Франции. Он был женат на француженке Симоне. Ныне — вдовец. Брак оказался бездетен. Есть внебрачная дочь Франсуаза. Когда Франсуазе исполнилось 16 лет, мать сказала ей, что ее отец — сын православного священника Сергия Булгакова. Франсуаза обратилась к православному священнику, который послал ее на Сергиевское подворье, где ей указали адрес Муны, которая была очень осторожна. Убедило ее то, что Франсуаза поразительно похожа на Сергея Сергеевича. Франсуаза — химик. Она два раза была в Москве у Наталии Михайловны и Федора Сергеевича и полюбила их. Свою дочь она назвала Мари-Наташа в честь Марии Сергеевны Степуржинской (Муны) и Наталии Михайловны Нестеровой. Н.М. Нестерова характеризует Сергея Сергеевича как доброго, мягкого, сентиментального, но вялого, ничем не интересующегося.

Осенью 1963 г. М.С. и В.А. Степуржинские приехали в Москву и встретились с Ф.С. Булгаковым и Н.М. Нестеровой. Брат и сестра встретились через 41 год после разлуки. В 1966 г. Федор Сергеевич и Наталия Михайловна посетили Францию, где встретились с Марией Сергеевной и Сергеем Сергеевичем. Взаимные визиты продолжались. Сергей Сергеевич звонит Наталии Михайловне каждое воскресенье и до сих пор.

[1] Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым // Архив свящ. Павла Флоренского (далее — Переписка...). Томск: Водолей, 2001. С. 139–140.

[2] См.: Винодельческое хозяйство и виноторговля Токмакова и Молоткова в Алуште (Южный берег Крыма). 1889–1913 гг. М., 1913.

[3] См.: Булгаков С. Н. Памяти Николая Васильевича Водовозова // Русские ведомости. 1896. № 7. С. 469–470; То же. Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год / Под ред. М.А. Колерова. М., 1999. С. 232–233.

[4] См.: Люблинский С. Б. М.И. Водовозова — издательница ранних трудов В.И. Ленина // Книга. Исследования и материалы. Сб. 25. М., 1972.

[5] Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 14.

[6] Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. 1992. С. 256.

[7] См.: Люблинский С. Б. М.И. Водовозова — издательница ранних трудов В.И. Ленина. С. 101.

[8] См.: Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина. Документальное повествование. СПб., 1997. Им. ук.

[9] Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 49–50.

[10] Переписка... С. 55.

- [11] Переписка... С. 32–33.
- [12] См.: Булгаков С. Н. Свет Невечерний. С. 17–18.
- [13] Переписка... С. 41.
- [14] Переписка... С. 138.
- [15] См.: Монахиня Елена. Профессор протоиерей Сергей Булгаков // Богословские труды. 1986. Сб. 27. С. 135.
- [16] Переписка... С. 147.
- [17] Переписка... С. 151.
- [18] Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1996. С. 350.
- [19] См.: Локтева О. С.Н. Булгаков в Киеве осенью 1918 года // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 год / Отв. ред. М.А. Колеров. СПб., 1997.
- [20] Булгаков Сергей, прот. Константинопольский дневник // Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 146.
- [21] Колеров М. С.Н. Булгаков в Крыму осенью 1919 года: Vegetus. Неделя о Булгакове // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 год / Отв. ред. М.А. Колеров. СПб., 1997. С. 234.
- [22] См.: Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 267.
- [23] Там же. С. 268.
- [24] «Теперь не наша полоса...»: Из архива А.А. Корнилова / Предисл., публ. и комм. М.Ю. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 16. М.; СПб., 1994. С. 319.
- [25] Вернадский Г. Крым. Воспоминания // Новый журнал. Нью-Йорк, 1971. № 105. С. 211.
- [26] Булгаков С. Н. Тихие думы. С. 104.
- [27] Там же. С. 350.
- [28] См.: Церковь и революция. 1920. № 9–12.
- [29] Булгаков Сергей, прот. Константинопольский дневник. С. 116.
- [30] Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 272.
- [31] См.: Булгаков Сергей, прот. Ялтинский дневник // Булгаков С.Н. Автобиографические заметки... С. 86–87.
- [32] Там же. С. 78.
- [33] Там же. С. 78–79.
- [34] Там же. С. 79.

[35] Булгаков Сергей, прот. Философия имени. Париж, 1953 (издана с доп. Л.А. Зандером).

[36] Булгаков С. Н. Трагедия философии (философия и догмат) // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.

[37] Булгаков С. Н. Тихие думы. С. 319.

[38] См.: Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н.А. Струве; Подгот. текста и примеч. Н.А. Струве, Т.В. Емельяновой. Москва; Париж, 2000. С. 180.

[39] См.: Булгаков Сергей, прот. Ялтинский дневник. С. 84.

[40] Там же. С. 98–99.

[41] Там же. С. 105.

[42] Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову... С. 276–277.

[43] См.: Филимонов С.Б. «Выслать за границу бессрочно...» (Дело отца Сергея Булгакова) // Филимонов С.Б. Тайны судебно-следственных дел. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. Симферополь, 2000. С. 16.

[44] Там же. С. 15.

[45] Там же. С. 16.

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] Там же. С. 17.

[49] Там же.

[50] Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца. Прага [1923–1924] // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год / Под ред. М.А. Колерова. М., 1998. С. 153.

[51] Филимонов С. Б. «Выслать за границу бессрочно...» (Дело отца Сергея Булгакова).

[52] См. там же.

[53] Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца... С. 212.

[54] См.: Филимонов С. Б. «Выслать за границу бессрочно...» (Дело отца Сергея Булгакова). С. 25.

[55] Булгаков Сергей, прот. Константинопольский дневник. С. 116.

[56] Булгаков Сергей, прот. О моих похоронах // Булгаков С.Н. Автобиографические заметки... С. 414.

[57] См.: Филимонов С. Б. «Выслать за границу бессрочно...» (Дело отца Сергей Булгакова). С. 25.

[58] Козырев А., Голубкова Н. Прот. С. Булгаков. Из памяти сердца... С. 131–132.

[59] См.: Демидов С. С. Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имеславие в России в первой трети XX столетия // Историко-математические исследования. Вып. 4 (39). М., 1999. С. 142–143.

[60] Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. Письма. М., 1995. С. 676.

[61] Там же. С. 677.

[62] Там же. С. 363.